

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Читинский институт Байкальского университета экономики и права, 672000. Чита, ул. Анохина, 59, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru.

Author

Sevostianova Elena Vasilievna — PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Political Science, Chita Institute of Baikal State University of Economic and Law, 59, Anohin st., Chita, 672000, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru.

ББК 86.3(2P)г+63.3(2)52-28

Н.А. ТАБОЛЕНКО

УДК 2(47)(091)+323.325(47)(091)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И ОЖИДАНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРЬ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

В статье рассматривается отношение власти и официальной церкви к проблеме религиозности русского крестьянства в связи с аграрной колонизацией Сибири в начале XX в. Автор делает вывод о противоречии между религиозной политикой властей и запросами крестьянства в условиях модернизации российского общества.

Ключевые слова: крестьянство, переселенцы, Сибирь, русская православная церковь, религия, религиозность.

N.A. TABOLENKO

RELIGIOUSNESS OF RUSSIAN PEASANTRY AND EXPECTATIONS OF AUTHORITIES IN RESPECT OF MIGRATION MOVEMENT TO SIBERIA AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

The article considers an issue of governmental and state church's approach to a problem of Russian peasantry's religiousness in the context of agrarian colonization of Siberia at the turn of 20th century. The author draws a conclusion that religious politics of the state haven't met needs of the peasantry under conditions of modernization of Russian society.

Keywords: peasantry, settlers, Siberia, the Russian Orthodox Church, religion, religiousness.

Правительственный интерес к крестьянской колонизации Сибири в конце XIX — начале XX вв. вскрыл ряд неотложных проблем, от успеха в решении которых, как представлялось имперским властям, зависел благополучный исход всей кампании. Вопрос заключался не только в меха-

ническом перемещении людских масс из европейской части России за Урал. Необходимо было, чтобы прибывающее в Сибирь население сохраняло лояльность к метрополии и ее идеологии. Русским переселенцам следовало и на новом месте оставаться такими же, как и до переезда, не меняя своей этнической и религиозной идентичности, при этом они должны были стать инструментом ассимиляции в «русском духе» прочих иноэтничных групп коренного и пришлого населения Сибири. Архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин еще в 1885 г. утверждал, что «вселенское православие в России существует как *русская вера*¹, и только тот называется русским, кто православный...». Он настаивал: «римско-католик поляком, лютеранин немцем, магометанин татарин, язычник в Сибири остается бурятом дотол, пока он неправославный. Православие всех их равно делает русскими...» [1, с. 7].

Отсюда следует, что отношение к религии вообще и православной церкви в частности в глазах правительственных идеологов было важнейшим показателем «русскости». Обратив внимание на этот аспект, власти обнаружили, что русское старожильческое население Сибири в этом плане отличается от русского крестьянства европейской части страны. С точки зрения чиновников и церковных иерархов, роль церкви в жизни, быту и хозяйственной деятельности сибирских крестьян была непозволительно мала [6, с. 174–175]. Глубина отличий русских Сибири от русских в метрополии неприятно удивляла чиновников, что, в свою очередь, порождало страхи перед возможным сибирским сепаратизмом. Массовое крестьянское переселение в Сибирь должно было снять эти страхи, однако сразу же возникли правительственные опасения и за судьбу этих новых жителей Сибири [7, с. 59].

Церкви отводилась решающая роль в поддержании русской идентичности «старых» и «новых» сибиряков. В Иркутске епархиальный миссионер И.С. Климюк писал в 1916 г.: «Сибирь...привлекает огромную массу населения из Европейской России. Это население...в Сибири представляет довольно разношерстную массу, ищущую и созидающую новый уклад жизни под влиянием новых условий поселения... Весьма важно, поэтому, сплотить эту народную массу в одно целое, направить складывающиеся новые отношения и быт в желательное русло исторического православно-русского быта. Необходимо употребить усилия, чтобы из этой разношерстной массы и на новых местах поселения образовался единый, крепкий духом народ, родной и близкий всему русскому народу. Для этого необходимо тщательно блюсти религиозные потребности переселившейся массы, ограждать ее от религиозного распада и одичания и привлекать под кров св. Церкви, принуждать ее иметь св. веру и страх Божий» [3, с. 2]. Следствием переселения будет то, что

---

¹ Курсив в оригинале документа.

«количество приходов в Сибири еще более будет увеличиваться, и обширные по территории сибирские епархии будут дробиться. Это требует большого количества приходских пастырей...» [3, с. 5]. Таким образом, даже в предреволюционном 1916 г. церковные деятели предпочитали не видеть значительных глубинных изменений, происходящих в российском обществе, полагая, что церковь еще может решить поставленные перед ней задачи путем простого увеличения числа приходов и подготовки новых кадров священнослужителей.

Оценки степени религиозности русского крестьянского населения Сибири базировались на материале европейской части России, где уровень взаимодействия крестьянства и церкви действительно был очень велик. Мировоззрение крестьян европейской России было теснейшим образом связано с религией, и это объясняется не только большим, чем в Сибири, количеством церквей и священнослужителей. Крестьяне, составлявшие в начале XX в. абсолютное большинство в Российской империи — свыше 8%, заметно отличались от всех прочих категорий населения. Разница как раз заключалась в отношении к религии и церкви. Все стороны жизни российского крестьянства очень долгое время были немыслимы без церковно-обрядовой составляющей.

Мнения исследователей об уровне религиозности дореволюционного русского крестьянства не слишком разнятся. Так, вполне можно согласиться с высказанным известным исследователем русской православной церкви М.И. Ивашко утверждением: «в отличие от других слоев российского общества для крестьянства важнейшим регулятором в повседневной жизни выступала религия в форме православия. Нормами православной религии с ее обрядами, постами, праздниками, по сути, регулировалась вся бытовая сторона жизни крестьянской семьи. Православие пронизывало и все стороны хозяйственно-практической жизни русской деревни. Оно формировало традиционное отношение русского крестьянства к земле и всему, что на ней произрастает, как к земле Божией. Представления крестьян о праве на труд и землю имели под собой тоже религиозные корни...» [2, с. 171–172].

По сути дела, крестьяне являлись носителями древнейшего, характерного для аграрных, патриархальных сообществ религиозного сознания, для которого было характерно восприятие земли как «дара Божьего». Этнолог С.В. Кузнецов так описывает эту специфику крестьянского мышления: «Упование русского крестьянина на волю Божию породило у части наблюдателей ошибочное мнение о беспечности крестьян, их инертности в деле всевозможных улучшений в хозяйстве. Русский крестьянин, будучи человеком практичным, выработавшим в поколениях многообразные и достаточно рациональные способы обработки земли, сева, ухода за посевами, уборки и обработки зерновых и технических культур, в то же время в основе своей деятельности видел Промысел Божий. И если пос-

ле предпринятых усилий он полагался на волю Божию, то это говорит не о его неумении и беспомощности, а о глубине веры его» [4, с. 286].

Действительно, никакие действия с землей не были возможны без тщательного соблюдения определенных ритуалов, гарантировавших будущий урожай и, следовательно, выживание конкретной крестьянской общины. Русские крестьяне и во второй половине XIX в. продолжали строго придерживаться православного церковного календаря, согласуя с ним свой труд на земле. В обязательном порядке праздновались великие церковные праздники, совершались крестные ходы и молебны. В патриархальных крестьянских сообществах церковь и священнослужители обладали огромным влиянием. Однако вопрос о степени глубины веры крестьян не столь однозначен.

По мнению М.И. Ивашко, опять же, согласующемуся с выводами целого ряда исследователей, русские крестьяне на протяжении очень длительного периода сохраняли древнейшие, идущие от языческих времен верования и обряды, прямо противоречащие духу и сути православного вероисповедания. Крестьяне обращали внимание на внешнюю, обрядовую сторону православия, заимствуя из него в первую очередь то, что можно было применить в повседневной жизни и деятельности [2, с. 172].

Русские крестьяне в своей массе не были ни «беспечными», ни «инертными» и, в то же время, глубина их религиозности объясняется их образом жизни — цикличностью календаря земледельца, живущего в условиях архаичной социальной структуры — крестьянской общины, крайне медленно воспринимающей социальные и экономические новации. Труд земледельца в таких условиях не менялся на протяжении столетий, оставаясь и в конце XIX в. малопродуктивным в силу целого ряда причин — общей технической отсталости, истощения доступных земель, высокого прироста населения при неизменном количестве производимого продукта и т.д. В таких условиях мировоззрение крестьянства не могло не оставаться религиозным, так как упование на «волю Божию» либо иной трансцендентный фактор могло, по мнению крестьян, позитивно сказаться на их хозяйственной деятельности, неэффективность которой надо было каким-то образом компенсировать.

Религиозное мышление русского крестьянства было типично для всех традиционных обществ, однако отношение к официальной церкви было противоречивым. Церковь являлась одним из крупнейших земельных собственников в стране. Она же была идеологом правящего режима, его инструментом воздействия на массы. Это обусловило специфику крестьянского протеста на рубеже XIX–XX вв., когда крестьяне, вступая в конфликт с церковью, в то же время сохраняли религиозность, делая выбор в пользу старообрядчества и сектантства [8, с. 197].

Имперские власти, стремясь сохранить единство народа, не учитывали роли всеобъемлющего феномена модернизации, особенно значи-

тельной на рубеже XIX–XX вв. Этот феномен изменил главную опору церкви, ее наиболее многочисленных приверженцев — крестьян. Реформы, на которые вынуждены были идти власти, разрушали прежний замкнутый крестьянский мир. По мнению исследователей, «идеология осуществлявшейся аграрной реформы самым непосредственным образом противоречила основаниям духовной культуры традиционного общества, основанной на общинном мироустройстве, и тем самым расшатывала формальные структуры приобщения прихожан к церкви» [8, с. 504].

М.И. Ивашко выделяет несколько факторов, обусловивших снижение крестьянской религиозности в начале XX в.: «во-первых, модернизационные процессы... Проникновение в деревню капиталистических отношений, усиление миграционных процессов, уход крестьян на заработки в другие города, другие губернии существенно изменяли крестьянское мировоззрение, ослабили контроль над поведением сельчан со стороны семьи, общины и церкви...». Во-вторых, «на изменение степени и характера крестьянской «набожности» существенное влияние оказало снижение авторитета церкви в глазах русского крестьянства как института тесно связанного с властью. Прямое вмешательство в дела Церкви, использование государством ее на протяжении двух столетий в политических целях, в конечном итоге лишало РПЦ морального авторитета в обществе, в том числе и среди крестьянства». В-третьих, «поведение и состояние самого православного духовенства в это время», которое «в сложный для государства период должно было выступить в роли «духовного поводыря» и дать нравственные установки для деморализованного войной и революцией крестьянства», но не справилось с этой задачей [2, с. 173–174].

Религиозное поведение крестьянства в новых условиях менялось. Индифферентное отношение к церкви, к обрядовой стороне веры, за которые критиковались русские крестьяне в Сибири, в начале XX в. становится повсеместным явлением и в европейской части России. Надо отметить, что речь не идет о массовом распространении атеизма в крестьянской среде. Религиозность крестьян просто принимала иные формы. Необходимо в данном случае определить рамки понятия «религиозность». Специалисты различных гуманитарных наук в целом не пришли к единому мнению в этом вопросе. Однако можно опереться на точку зрения социолога С.Д. Лебедева, выделившего, на основе анализа работ современных отечественных исследователей, две основные их позиции в данном вопросе.

Согласно первой из них, о религиозности можно говорить в том случае, когда субъект постоянно практически подтверждает свою религиозную позицию, что выражается в регулярных культовых действиях — посещении церкви, причащении, соблюдении постов и т.д. Простой самоидентификации себя как православного христианина в этом случае

недостаточно — это говорит о мировоззренческой позиции субъекта, но не о его религиозности. Кроме того, приверженцы первой позиции настаивают на том, что православная религиозность должна проявляться в строгом соблюдении канонической чистоты и полноты православного образа действий и мысли, иными словами — не формальным исполнением обрядов и ритуалов, а проникновением в их самую суть [5, с. 156].

Церковные деятели, говоря о плачевном положении дел с религиозностью крестьян в Сибири, могли бы разделить процитированные выше утверждения, добиваясь от паствы максимального усвоения православных догм и связывая уровень религиозности населения с регулярностью культовых действий. Им вторили и государственные чиновники. Однако если сибирские крестьяне выглядели «невежественными в вопросах веры», то и их современники, крестьяне в России ненамного их превосходили. Они более тесно, чем сибиряки, взаимодействовали с церковью, последняя играла большую роль в их жизнедеятельности, но вызвано это было особенностью крестьянского патриархального образа жизни, разрушение которого в ходе модернизации вело к изменению роли религии и церкви внутри крестьянских сообществ.

С.Д. Лебедев характеризует и вторую исследовательскую позицию, приверженцы которой ключевым признаком религиозности считают именно самоидентификацию, осознание человеком себя как принадлежащего к данной религии. Даже религиозная безграмотность в данном случае не дает оснований не считать человека православным христианином. Люди находятся в процессе духовного самосовершенствования, двигаясь к общим для всех православных целям, разделяя общие ценности. Такие признаки религиозности, как поведение, знание догматов и т.д. всего лишь характеризуют уровень и степень религиозности, ее глубину. Эта точка зрения в большей степени применима к анализу уровня религиозности русского крестьянства на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на неготовность воспринять религиозные догмы в полном объеме и критическое отношение к церкви, крестьяне в значительной своей массе все же продолжали считать себя православными христианами.

В ходе модернизации значение церкви в жизни крестьян ослабло, необходимость постоянно выполнять многочисленные и малопонятные обряды исчезла. У крестьян, вырвавшихся из общины, появился выбор: чем больше росла их хозяйственная самостоятельность, тем больше было возможностей для их религиозного самоопределения — строго придерживаться всех религиозных норм и канонов или поверхностно, но в обоих случаях продолжая считать себя православными христианами. Либо сменить вероисповедание или отказаться от религии вообще.

Церковные иерархи и правительственные чиновники не были готовы принять эту новую действительность. Они пытались удержать русских крестьян в рамках господствующей конфессии, но в ходе разрушения

крестьянской общины в европейской части России теряли основные рычаги воздействия. Это объясняет, почему в последующие десятилетия уже советское крестьянство довольно пассивно отнеслось к антицерковным кампаниям государства, не утрачивая при этом своей религиозности (в 1920-е гг. наблюдался даже всплеск роста религиозных общин в русской деревне) [2, с. 178]. Отмирание общины, новации социально-экономической жизни, технический прогресс — все эти факторы модернизации быстро преобразовывали облик российского крестьянства, которое все менее нуждалось в контроле церкви над всеми сторонами жизни.

Таким образом, наблюдая за падением влияния православной церкви в Сибири, правительственные чиновники и церковные идеологи были ограничены в инструментах воздействия как на старожилов Сибири, которые в ходе своей адаптации к специфическим сибирским условиям привыкли обходиться без постоянного и мелочного контроля со стороны духовенства, так и на крестьян-переселенцев, проходивших через ломку традиционного, патриархального образа жизни и мировоззрения. Недостаток приходов и пастырей в Сибири действительно отразился на уровне религиозности старожилов и их отношении к церкви. Но в условиях модернизации, охватившей как старожильческое население, так и прибывающих новоселов, простое механическое умножение числа церквей и священников все равно не помогло бы «сплотить народную массу в одно целое». Эта задачу теперь следовало решать иными методами. Кроме того, православие перестало быть обязательным критерием «русскости»; по мере развития модернизационных процессов в обществе все очевиднее становилось, что быть русским не обязательно значит быть приверженцем православной или какой-либо еще конфессии. Глубокие социальные перемены охватили всю страну. На заре нового, XX в., в европейской России и за Уралом, в Сибири, рождался человек нового типа, которому уже в ближайшее время предстояло сказать свое веское слово.

Список использованной литературы и источников

1. Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. — СПб., 1885.
2. Ивашко М. И. Религиозное сознание и поведение российского крестьянства: мифы и реальность / М. И. Ивашко // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. участников участников Международного круглого стола журнала «Власть» и Института Социологии РАН (12 ноября 2010 г.)» — Москва : ООО «АПР», 2011. — С. 171–182.
3. Климяк И. С. К вопросу о Духовной Академии в Сибири / И. С. Климяк. — Иркутск : Губернская типография, 1916.
4. Кузнецов С. В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). — М. : Росспэн, 1996. — С. 285–293.
5. Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «рубикона» / С. Д. Лебедев // Социологический журнал. — 2005. — № 3. — С. 153–168.

6. Оглезнева Г. В. Особенности религиозности крестьян Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / Г. В. Оглезнева // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории: тезисы докл. и сообщ. науч. конф., посвященной памяти М. А. Гудошникова и Ф. А. Кудрявцева, Иркутск, 27–30 июня 1994 г. — Иркутск, 1994. — С. 174–176.

7. Ремнев А. В. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв. — Иркутск : Оттиск, 2010. — С. 17–64.

8. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — нач. XX вв.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. — М. : Росспэн, 2008.

Информация об авторе

Таболенко Николай Александрович — соискатель, кафедра философии и гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: tabolenko@mail.ru.

Author

Tabolenko Nikolay Aleksandrovitch — post-graduate student, Chair of Philosophy and Social Sciences, Irkutsk State Railway University, 15, Tchernyshevsky st., Irkutsk, 664074, e-mail: tabolenko@mail.ru.

УДК 613 (571.53)(091)

В.А. ШАЛАМОВ

ББК 51.2 (2 p-4 Ир)г

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ КРЕСТЬЯН ПРЕДБАЙКАЛЯ В 1920–1930-е гг.

В статье характеризуется повседневная жизнь крестьян Предбайкалья в 1920–1930-х гг. на примере поддержания телесной чистоты.

Ключевые слова: крестьянство, личная гигиена, баня.

V. A. SHALAMOV

SOME ASPECTS OF PERSONAL HYGIENE OF THE PEASANTS OF THE BAIKAL REGION IN THE 1920–1930s

The article is characterized by the daily life of peasants in Baikal region in the 1920–1930s by the example of sustaining bodily purity.

Keywords: peasantry, personal hygiene, bathhouse.

Поддержание телесной чистоты является одним из важнейших аспектов личной гигиены человека. Если заглянуть в стандартный учеб-